

Родился в 1961 году. Живёт в Омске. Секретарь Союза писателей России, главный редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь», лауреат Большой литературной премии России. В литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне» публикуется впервые.

* * *

Ничего от сердца не отрину,
никого уже не разлюблю...
Догола, до ягодки – рябину
птицы доклевали к февралю.

Погрущу тихонько под гармошку...
Ночь темна, как будто собрала
звёзды Матерь Божия в ладошку,
точно крошки хлеба со стола...

* * *

Ну, кто о чём, а мой рассказ о том,
что нынче я (наверное, с устатку)
забрёл, как пёс робея, в новый дом,
где этажей – два раза по десятку,
но точно – сосчитать не удалось...

...Есть мне о чём подумать – на досуге:
а хорошо ли – рядом, но поврозь
жить, ничего не зная друг о друге?..

* * *

Мечтать не вредно о покое,
когда вопросов больше нет...
Есть в нашем городе такое,
на что пролить мне стоит свет?

Вот так идёшь в холодный вечер
там, где пустынно и темно,
уже ни с кем не чаешь встречи,
но за углом – стоит ОНО.

И не понять ни вмиг, ни вскоре,
ни вообще (хоть как свети):
к кому тут счастье или... горе
всё не решается зайти...

К своим делам теряя интерес,
и налегке (не жди, жена, к обеду),
чтоб ощутить дыхание небес
среди людей, –

в деревню к другу еду:
он там – родной словесности оплот,
а впереди не дата ждёт, а веха! –
Литературу друг преподаёт
в деревне той почти что четверть века.

Ну, здравствуй, друг!.. Конечно, друг, хотя
за встречу пьём, уже не балагурия
и по чуть-чуть...

И плачет, как дитя,
всю ночь в деревне пушкинская буря...

Ну, здравствуй, друг!.. Не виделись давно,
а вот молчим – серьёзных лет папаши –
как будто ждём, что кто-нибудь в окно
к нам постучит из молодости нашей.

* * *

Ворона грубо каркнула... Мадам,
я вам не враг, чернявая, ей-богу...

Живу, бесспорно, в городе, но там,
где и скотину держат – понемногу,
и чувству есть любому уголок
(любим страстям, хотя – спокойно, в целом).
...Везёт мужик откуда-то валок
травы на мотороллере с прицепом
(да вот его – с печной трубой – «шато»)..
Вросла в зенит сосны дворовой крона...

Из ряда вон сегодня только то,
что нагубила походя ворона.

СТАКАН

В нашей роще мне по сердцу каждая ветка,
свет по-свойски легко между ними сквозит,
на одной из осиновых (с прошлого века,
вероятно) стакан пожелтый висит –
каждой гранью знаком... И за что я,
как брату,

рад ему – долговечному, с мухой на дне? –
Из него мужики обмывали зарплату
под балтийскую кильку почти в тишине.
Одиноким, почти неприметным, за годы
пустоты постепенно прижился в семье
престарелых деревьев как символ заботы
бескорыстных людей о подобных себе.

* * *

Мирославу Бакулину

Размахнулся – живу в двух столетиях:
мало ли
нас широких таких – из петров да емель...
Нынче осень: закаты смиренные
алыми
языками хлеблют
дорожный кисель.

Согрешу, если дни назову нехорошими
потому, что царит
дождевая тоска.
Потому и живём, что грехи наши брошены
в море милости Божией горстью песка.

* * *

... И здесь никто не помнит зла
и верят в то, что власть – от Бога.
Но что в село, что из села –
вконец «убитая» дорога.

К селу бюджет районный крут:
необходим – иначе крышка! –
ремонт дороги, а дадут
ли денег? – Нет в кубышке лишка...
Но каждый – свой ответ припас...

Сказал отец Алексей: «Днями
дадут. Но можно и сейчас
ходить Господними путями».

* * *

Про то, что нет пути другого,
наш долгожитель – дед Матвей –
поёт настойчиво и строго,
сверкает взгляд из-под бровей!

Играет с чувством он (сноровка
осталась), радуя народ.
В том, что в коммуне остановка,
что паровоз летит вперёд,
нам, поселковым, нет изъяна,
хотя и дожил слух доднесь,
что, кроме старого баяна,
у старика винтовка есть.

* * *

В нашем клубе аншлаг не всегда,
но бывает – особенно, аще
хор поёт – ветеранов труда –
из старушек одних состоящий.

Как народ аплодирует! – Он
от попсовых устал «погремушек».
Говорят, сам Иосиф Кобзон
прослезился, услышав старушек.

Нет в газетах о них ни строки.
Слава Богу, бабуся – не «теле-
звёзды»...

Помнится, и старики
в этом хоре заслуженно пели.

Добрим словом помянем родных
песнопевцев и души согреем! –
Вот уж год, как последний из них
поселковым отпет иереем...

Хор поёт: «Нам года – не беда...»
... И подходит, как сдобное тесто,
с Божьей помощью время, когда
в этом хоре найдётся мне место.

* * *

Почти что через дерево – кормушка
для зимних птиц... Простое, как рядно,
светлеет небо.

День за днём церквушка
растёт в посёлке Солнечном...

Давно
он это имя носит, небогато
живёт, и нет особенных красот,
и что с того? – Своё порой горбато,
но мило (никогда – наоборот).

Как никогда, предзимний ветер колок.
Снег, погрузнев к началу ноября,
надолго вжился в Солнечный посёлок
(а есть и Светлый, к слову говоря).

Почти как всех, года посёлок старят,
но говорят же люди, что вот-вот –
на Параскеву – маковку поставят:
таджики – обязательный народ.

И мы живём на честные полушки,
в трудах, не зарекаясь от сумы...

Ну и никто не скажет, что кормушки
для зимних птиц построили не мы.

* * *

Жанетте

Смурнеет небо... Солнце, не чуди!..
Что впереди – ухабы или кочки? –
Не знаю, как свои закончу дни,
ну и своей последней самой строчки.
Не знаю, чем свой век ещё продлю,
куда исчезнет рваных туч громада...
Но... я такую женщину люблю,
что ничего мне знать уже не надо!

УЧАСТКОВЫЙ

Так ничего и не случилось нового
из пьянок и бессовестных затей,
а дома тихо ждали участкового
жена Айгуль и четверо детей.

Без подоплёки, солнце наше к западу
склонилось рано – осень, как-никак...
И, судя по устойчивому запаху,
жена Айгуль сварила бешбармак.

Усталый муж домой вернётся к полночи,
посмотрит с лёгкой грустью на часы
жена Айгуль...

В посёлке нашем Солнечном
всё хорошо. Всё, стало быть, «жаксы».